

ТАМ МОЁ КОРОЛЕВСТВО

ЧАСТЬ 1

Каждый день осенних каникул (кроме выходных) с двенадцати до часу дня я сижу в шкафу. В самом обычном, сделанном из фанеры, втиснутом между изголовьем моей кровати и стеной.

Знаю, шкаф — не самое удивительное в мире место, особенно для тех, кто привык играть в прятки. Но я в прятки и не играю. Я прячусь по-настоящему.

Я могла бы пойти на улицу, но там идет дождь, холодно и мерзко. А в шкафу совсем не так уж плохо: тепло и относительно безопасно.

Каждый день в двенадцать дня домой приходит отец. Он всегда обедает дома. Это занимает ровно час, а это значит, что ровно час я должна просидеть в шкафу очень тихо, так, чтобы у него и мысли не возникло, что я дома. Мама придет через полтора часа, и вот тогда я выберусь из своего укрытия, сяду за стол рисовать, и никто ничего не узнает.

Я не люблю оставаться с отцом одна. А прятаться в шкафу гораздо интереснее, чем, например, под кроватью. В шкафу — много всего, а не только пыльный пол, а главное — там темно, а значит, нужно чем-то эту темноту заполнять.

Сегодня он пришел на пять минут раньше. Хорошо, что я его опередила. Это не так уж сложно, его шаги я

научилась слышать еще с первого этажа. Они тяжелые и медленные, как будто ступает великан. У нашей двери на втором этаже они ненадолго замирают, и становится тихо, будто только что поднимающийся по ступеням человек просто взял и испарился прямо перед дверью. Но я знаю — это уловка. Он выжидает, прислушивается, принохивается.

Спустя пару минут ключ поворачивается в замке, а я глубже забиваюсь в угол шкафа и закрываюсь свисающим сверху маминым пальто.

Я слышу, как отец снимает ботинки и идет в ванную мыть руки. Он всегда первым делом моет руки, а потом заглядывает в мою комнату, чтобы убедиться, что меня там точно нет. Меня нет. И он идет на кухню греметь кастрюлями и сковородками.

Пока отец ест, мамино пальто гладит меня по голове рукавом и шепчет, что все будет хорошо.

«Должна же быть в мире еще хотя бы одна девочка, которая сейчас так же, как и я, сидит в шкафу», — думаю я, глядя в темноту. Темнота едва заметно шевелится.

— Привет, — еле слышно говорю я девочке, сидящей напротив меня, — что ты здесь делаешь? Вообще-то это мой шкаф.

— То же самое, что и ты — прячусь, — с вызовом отвечает она. Девочка поправляет складки своего пышного синего платья и смотрит на меня исподлобья большими зелеными глазами.

— От кого ты прячешься? — спрашиваю я.

— Мы с канцлером играем в прятки. Вот от него. Но он ужасно боится темноты, так что не будет здесь искать. — Девочка хихикает.

— Мм, понятно, — говорю я, — а кто такой канцлер?

— Тот, кто обо мне заботится, — важно отвечает девочка, — а еще он помогает мне управлять королевством. Так получилось, что я совсем одна и больше помогать мне некому. А ты что здесь сидишь? Ты сказала — это твой шкаф, но это не так. Он находится в моем королевстве, а значит, он — мой!

— Говори, пожалуйста, тише, — прошу я.

Я слышу, что отец уже закончил с едой и скидывает грязную посуду в раковину. Мне нужно быть осторожной: тот, от кого я прячусь, темноты не боится.

Тяжелые шлепающие шаги (отец всегда ходит дома босиком) снова направляются в ванную. Шлеп-шлеп. Неожиданно они замирают на пороге моей комнаты. Шлеп-шлеп. Отец останавливается прямо у шкафа.

Я смотрю на девочку и прикладываю палец к губам. За тонкой фанеркой — тяжелое дыхание, я знаю, что он принохивается, он чувствует мой страх.

«Что ему здесь нужно, в этом шкафу нет его вещей, неужели он знает, что я здесь?» Я с надеждой поднимаю глаза на девочку, но ее больше нет.

Я одна, и от отца меня отделяет только тонкая дверца. Мне кажется, он слышит, как громко стучит мое сердце. Я приказываю сердцу замолчать и прижимаюсь к маминому пальто. «Мамочка, вернись, пожалуйста, скорее», — шепчу я про себя. Но я знаю, мамочка не вернется. Придется выкручиваться самой. Я должна что-то сделать, чтобы он не нашел меня, даже если эта дверь откроется. «Если эта девочка

откуда-то пришла, значит, и я могу куда-то уйти», — размышляю я.

Зажмуриваюсь так, что глазам становится больно, вжимаюсь в стену и на всякий случай повторяю заклинание, которое должно сделать меня невидимой: «Я пушинка — легче пуха, я пушинка — легче пуха».

Стена шкафа за спиной становится мягкой, и я проваливаюсь в ворох пальто, шуб и платьев, которые заботливо принимают меня в свои объятия.

Откуда-то издалека я слышу звуки открывающейся входной двери — это мама пришла домой чуть раньше. Заклинание сработало, отец не нашел меня.

Пока он о чем-то пререкается с матерью на пороге, я тихонько выбираюсь из своего убежища. Обычно мне удается сделать это до прихода мамы, но сегодня все пошло наперекосяк.

Отец уходит, а мама, проходя мимо моей комнаты, удивленно смотрит на меня:

— Отец сказал, тебя дома нет. А ты здесь. Как так вышло?

— Я сидела в шкафу, — смущенно отвечаю я.

— Зачем ты сидела в шкафу?

Мама хмурится, а мне почему-то становится стыдно.

— Не знаю, мне там нравится, — невпопад отвечаю я.

— И что же ты там делала, позволь узнать, столько времени?

Голос мамы становится веселей.

— Я взяла с собой фонарик и читала книгу. Мне нравится там читать.

Мама недоверчиво и как будто осуждающе смотрит на меня.

— Тебе нужно больше гулять и завести друзей, — выносит она свой вердикт и уходит на кухню.

* * *

Теперь я сижу в шкафу не только во время великих обедов. Я надеюсь встретить девочку, имени которой не знаю, но она больше не приходит. Интересно, нашел ли ее канцлер, победил ли он свой страх темноты — или девочка сжалась над ним и сама пришла к нему, — и что вообще происходит в ее королевстве? А самое главное — где это королевство и как мне попасть туда?

После осенних каникул Валентина Леонидовна объявляет, что у нас в классе — новенькая. Она проболела почти всю первую четверть, так что теперь ей придется многое наверстывать, и зовут ее Лера.

Новенькая протискивается в приоткрытую классную дверь, и я понимаю — это ты. На тебе нет пышного синего платья, вместо него — застиранная белая блузка, клетчатая школьная юбка, колготки гармошкой на коленках и стоптанные ботинки. Твои каштановые кудри заплетены в неряшливую косичку, и твой портфель не несет никакой канцлер.

Девочки в классе неодобрительно разглядывают тебя. Ты смотришь на всех так, как будто вообще не

понимаешь, как тебя занесло в эти негостеприимные края. Твои глаза — большие и зеленые. Это ты — девочка из шкафа.

Интересно, вспомнишь ли ты меня?

Валентина Леонидовна отправляет тебя за первую парту в третьем ряду, и я радуюсь, что мне тебя хорошо видно.

Весь этот день я наблюдаю за тобой: тебе явно нет дела до других детей; кажется, ты любишь рисовать; и ты похожа на дикого зверька, который вдруг обнаружил себя запертым в клетке.

Учительница несколько раз делает тебе замечание за невнимательность. Я думаю, что ты достаточно странная. Не знаю почему, но мне это нравится.

Если бы ты смотрела в этот момент на меня, то увидела бы девочку в неудобной школьной форме, с заплетенной вокруг головы косичкой и челкой, выстриженной явно неумелой рукой, и тоже похожую на дикого зверька, который вдруг обнаружил, что он больше не единственный зверь в клетке.

Звонок. Мы спускаемся по школьной лестнице на первый этаж, чтобы разойтись по домам. Шумно, осеннее солнце вычерчивает в коридоре яркие квадраты.

— Привет, — говорю я, наступив в один из них, — ты меня правда не помнишь?

Ты удивленно смотришь на меня:

— Нет, не помню.

Твой голос неожиданно резкий и какой-то не девчачий.

Мне кажется, что ты хочешь, чтобы я от тебя отстала, чтобы побыстрее уйти из школы. Ты хмуро смотришь в окно, а не на меня.

Я уже почти смиряюсь с поражением, но тут мне в голову приходит маленькая хитрость. Девочку из шкафа никак не могут звать просто Лерой, это уж точно.

— Учительница сказала, что твое имя Лера, — начинаю я, — а как тебя зовут по-настоящему?

К моей радости, ты перестаешь хмуро пялиться в окно, поворачиваешься ко мне, смотришь оценивающе пару секунд и шепотом произносишь: «Джеральдина».

Я торжествую: да, именно такое имя и должно быть у девочки из шкафа.

— А тебя как зовут? — спрашиваешь ты.

— Кимберли, — не задумываясь отвечаю я.

Ты улыбаешься так, как будто это имя тебе знакомо, и я радуюсь тому, что мы все же смогли узнать друг друга.

По дороге из школы домой я рассказываю тебе о том, что наша первая встреча — на самом деле не первая, про то, что на тебя наверняка наложили заклятие забывчивости, про канцлера и королевство, которое где-то совсем рядом.

* * *

С того дня домой мы ходим вместе, ты живешь в пятом подъезде, а я — в первом, в большом кирпичном замке на горе. Когда-то он весь принадлежал нам, но

потом наши семьи рассорились и поделили замок на две части, а затем еще на три. Их они продали разным людям, так как в девяностые было мало денег и нужно было как-то зарабатывать. Видимо, денег совсем не было, раз третий подъезд достался людоедке, лепившей пирожки из детей и котят. Так, по крайней мере, говорил нам твой старший брат и его друзья. Каждый раз, увидев нас, они повторяли: «В третий пойдешь — к людоедке попадешь, в третий пойдешь — смерть свою найдешь». Умирать нам еще не хочется, поэтому мы на всякий случай обходим логово людоедки стороной.

Почему наши родители поссорились, мы не знали, но это было как-то связано с тем, что твоя мать верит в бога и ходит в церковь, а мой отец считает себя коммунистом и ходит на митинги к памятнику Ленина.

Церковь, которую выбрала твоя мама, почему-то находится не в храме с крестом и куполами, а в обычной квартире. Отец говорит, что твоя мать сектантка. Твоя мать говорит, что мой отец — Сатана.

Нам с тобой глубоко наплевать и на Иисуса, и на Ленина. Тем не менее, родители считают, что мы плохо влияем друг на друга, и стараются свести наши встречи к минимуму.

Я замечаю, как отец смотрит на меня, когда я возвращаюсь от тебя, и принохивается. Его огромные ноздри раздуваются, и он как будто чувствует запах веры в высшие силы, который я источаю.

— Опять была у этой сектантки? — строго спрашивает он.

— Да, — мямлю я. Врать бесполезно — когда он так спрашивает, то уже заранее знает ответ. Любая

ложь только продлит эту пытку, а мне хочется покончить с ней побыстрее.

— Нечего тебе туда ходить, пусть она к нам придёт.

Эта фраза не та, с которой отец обычно начинает свой допрос с пристрастием, поэтому я радуюсь. Кажется, он не в настроении меня сегодня наказывать.

— А почему ты решила, что можешь послушаться отца? — неожиданно злобным шепотом добавляет он и подходит ко мне совсем близко.

Я быстро прокручиваю в голове все возможные причины, которые могли бы меня оправдать: ты подвернула ногу, и я должна была тебе помочь; мы нашли котенка и понесли его к тебе; у тебя появилась новая интересная игра; мы должны были вместе делать домашнюю работу. Даже если я скажу правду, это не поможет, потому что отец уже начал свою игру. А играем мы всегда только по его правилам.

Впрочем, кое-что я могу. По крайней мере, попробовать стоит.

— А разве верить в бога — это плохо? — пытаюсь отвлечь его внимание я.

Отец прищуривается. Если и есть в мире слово из трех букв, которое он не переносит, то это слово «бог».

— Бога нет, — отвечает отец, — а церковь, куда ходит мать твоей подруги — американская секта. Знаешь, зачем эта секта нужна? — отец повышает голос почти до раската грома.

— Не знаю, — пожимаю плечами я.

— Затем, чтобы запудрить мозги нашим детям, разрушить наши ценности и развалить Россию.

А наше капиталистическое правительство им в этом помогает!

— А какие у нас ценности? — помолчав, спрашиваю я.

На этот вопрос отец почему-то не отвечает и идет смотреть новости.

Из этого разговора я усваиваю, что бога придумали американцы, чтобы развалить Россию, а также то, что у нас есть ценности, но вслух о них говорить нельзя.

В следующий раз, как и требовал отец, ты приходишь ко мне, но после встреч у меня ты возвращаешься домой, покрытая неприличным налетом коммунизма. Твоя мама начинает страшно чихать, так как на коммунизм у нее аллергия.

* * *

Все время, что мы проводим вместе, мы ищем в окружающем знаки нашего с тобой королевства. В том, что оно наше, у нас нет ни малейшего сомнения: мы — принцессы, по ошибке попавшие в другой мир и мечтающие вернуться. Лишившись обеих своих принцесс, королевство закрыло все проходы между мирами, ведь без нас оно стало уязвимо. А мы не можем вернуться туда так просто, потому что на нас уже лежит печать этого, не лучшего из миров.

Но королевство посылает нам знаки, которые можем расшифровать только мы, и их предостаточно: облетевшие листья, на которых проступают черты древних лиц; гигантские следы птичьих лап на снегу; фонари,

которые зажигаются прямо над нашими головами и ведут нас куда-то.

Королевство постепенно открывается нам, показывает, что может скрываться даже в самых обычных неприметных вещах. Вот поэтому мы и знаем, что живем в замке, что деревья в лесу за домом — живые и что если захотим отправить письмо канцлеру, то нужно написать его на листе, сложить в кораблик и пустить в лесной ручей, а уж вода вынесет его куда надо.

Королевство разговаривает с нами, и хотя мы понимаем его тайный язык, но также помним, что так просто нам туда не вернуться — нас ждут испытания.

Когда после школы мы идем собирать опавшие листья и мох для школьных поделок, ты предлагаешь начать наши попытки со шкафа:

— Ты же говорила, что впервые встретила меня там, что в шкафу есть проход. Почему же мы все еще не попробовали?

— Я боюсь, что может не получиться, — честно признаюсь я.

— Почему? — ты кидаешь только что собранные листья себе под ноги от негодования.

— Там случилось кое-что. Кое-что плохое. Я боюсь, это как-то повлияло.

— Что случилось? — Ты берешь меня за руки. — Расскажи мне, пожалуйста!

Я не хочу тебе говорить о том, что произошло в шкафу, поэтому соглашаюсь попробовать.

— Обещай, что если не получится, ты расскажешь мне, что случилось? — требуешь ты. В этот момент ты